К нам рвется ревизор

Лев Амбиндер

руководитель Российского фонда помощи

У меня для вас новости: одна плохая и много хороших.

В Грозном скончалась 12-летняя Сеперт. Это та самая Сеперт Эдисултанова, для спасения которой один из наших читателей закупил лекарства на $8000. Девочка попала в Москву в рамках столичной программы помощи тяжелобольным детям Чечни. У Сеперт была очень серьезная болезнь крови, и Москва давала шанс. Ее отцу стоило огромных усилий попасть с девочкой в московский самолет. С открытой недоброжелательностью им пришлось столкнуться и в одной из столичных клиник. Но потом Сеперт здорово повезло. Случайно ее увидел доктор Алексей Масчан из Российской детской клинической больницы (РДКБ). Он привез несчастную девочку к себе в отделение и действительно принялся лечить. Потом ей повезло еще раз — когда потребовалось дорогое лекарство и отец обратился в Российский фонд помощи. Девочке стало получше, ее увезли домой.

Она прожила еще полтора года.

Мы договаривались сообщать вам правду о работе фонда. Я думаю, вам следует знать и эту.

Теперь у меня есть и повод знакомить вас с печальными подробностями бытия нашего фонда. До сих пор мы имели дело с Читателем Помогающим и наивно полагали, будто другим слоям родной общественности до нас нет ровным счетом никакого дела.

Оказалось, просчитались.

И наши заблуждения теперь очевидны.

Вместе с ростом рядов помощников к нам на телефон повадился еще и читатель нового (или хорошо подзабытого?) типа. Поучающий и Обличающий. Что ж, мы не против. Мы, ровно наоборот, за, потому что такое общение полирует кровь. И вот что характерно. Чем выше суммы помощи, тем чаще нас теперь учат жить. Причем суммы перечисляют одни. А учат — другие.

Чем выше суммы помощи, тем чаще нас теперь учат жить. Причем суммы перечисляют одни, а учат — другие.

Вот эти другие, оказывается, давно за нами приглядывают и делают очень любопытные выводы.

Вывод первый: помогаем мы беззаботно. В том смысле, что без заботы о завтрашнем дне родной Отчизны. Навязываем, знаете ли, читателю просьбы безнадежно больных. А потом еще и скрываем от общественности эти свои проколы. И деньги работают не на светлую перспективу, а совсем даже наоборот. И это в то время, когда в стране падает рождаемость, растет смертность и снижается народонаселение. То есть помогать, оказывается, следует исключительно тем, кто наверняка выживет и еще принесет пользу благодарному Отечеству.

Вывод второй: помогаем мы неквалифицированно. Потому что неэффективно. Деньги, которые читатели передают несчастным на лечение, идут, мол, мимо фонда, и на них потом жируют разные нечистые на руку фармакологические фирмы-посредники. Имена любителей пожировать за чужой счет при этом, понятно, не называются. Зато взамен протягивается рука «дружбы и помощи в оптимизации сделок по лекарствам и по врачам (?!)». Оказывается, в столице «во многих клиниках чудо-врачи бездельничают от недостатка платных больных» и следует их «профессионально озадачить». К всеобщей, как вы понимаете, пользе. Даже готовую схему предлагают: посадить за собственный счет в фонде дополнительный оптимизирующий персонал. И даже суммы прибыли уже прикинули. То есть Обличитель готов быстро и корыстно превратиться в сподвижника и соучредителя.

Что тут скажешь? Если по первому выводу спорить противно, то по второму — бессмысленно.

Больные иногда умирают, и это не новость. Главное же состоит в том, что наши читатели помогают им бороться до конца и многих возвращают к активной жизни. Не всех, это обидно. Но спорить тут не о чем. Однако намотать на ус все же есть что. Во-первых, наш Читатель действительно должен получать информацию о дальнейшей судьбе тех, кому помог. Даже если эта правда — горькая. А во-вторых, «Коммерсантъ» и впрямь стал общенациональной газетой, если у него появились еще и постоянные читатели-обличители.

И, конечно, приятно сознавать, что рядом сосуществуют отдельные граждане и вполне юридические лица, которые не прочь порулить казной фонда. Все-таки внимание. Одна беда — казны нет. Для тех, кто еще не знает, сообщаем дополнительно: отсутствие казны — это наша принципиальная позиция. Деньги через фонд не ходят. И не будут ходить. Так что просим профессионалов оптимизации не беспокоиться. Пусть уж медики и больные сами решат, где и у кого им выгоднее приобретать лекарства.

А теперь хорошие новости.

На лечение Лизы Ильиной наши читатели собрали $62546!

Об этой девочке из Подмосковья, которая живет в РДКБ в ожидании пересадки костного мозга, мы рассказали в одном из выпусков фонда («Коммерсантъ», 17.12.98). Ей уже приобретены лекарства на сумму $24829. Одна из читательниц гарантирует закупку и других препаратов, если таковые потребуются после операции. А на остальные Лизины деньги главная детская клиника страны закупила лекарства для Сережи Ежова из Коломны ($10000), костромича Алеши Кашина ($5000), челябинца Кости Кузнецова ($5000). Приобретены также компьютер медицинского мониторинга ($6700), препараты нейпоген ($4800) и циклоспорин ($3000) для отделения общей гематологии, капельницы и иглы для химиотерапии ($3217).

Суммарно же итог декабрьской страницы фонда выглядит просто ошеломляюще: $83112 плюс 34 вещевых посылки.

Юной маме Лене Лосевой (Архангельская область) отправлено 21540 рублей и 18 посылок с вещами и продуктами; Марине Жуковой (Удмуртия) на лечение в курганской клинике Илизарова перечислено 32312,62 рублей; безработной Светлане Макидонской (Псковская область) — 9200 рублей; 3-летней Ксюше Елисеевой (Красноярский край) на операцию собрано $3662; 11620 рублей отправлено Полине Ивановне Баевой (Алтайский край) на лечение дочери; многодетной семье Королевых (Еврейская автономная область) — 46775 рублей.

Очень приятно, что читатели обращаются не только к последней странице фонда в «Коммерсанте», но и к предыдущим нашим публикациям. В частности, на новый курс лечения тяжелобольной Наташи Нагуськиной читатели принесли в РДКБ еще $11680 (мы рассказывали о Наташе в „Ъ“ за 29.07.98, и тогда удалось собрать необходимые $5000).

Помогли: Николай (Альметьевск); Оля (Тула); две Ольги, Мира, Алла Владимировна, Дмитрий (все — Санкт-Петербург); Людмила, Владимир (оба из Череповца); Нина Ивановна (Армавир), Людмила Миновна (Красногорск); Тэрту (г. Тампере, Финляндия); фирма «Евросервис», лицей 21, Татьяна, Татьяна с коллегами, шесть Ирин, Марина, трое Дмитриев, Наташа, Ксения, Рита, Аня, Вячеслав, Наталья Эмильевна, Катя, Виктор, Станислав, Кира Николаевна, Виктория, Марианна и Наталья Сергеевна, Александр Михайлович, Нияз, Виктор Григорьевич, Вера Николаевна, Нина Васильевна, четыре Ольги, Маша, Марика, Александр, Людмила Владимировна, Сергей, Любовь Михайловна, Людмила Викторовна, Яна, Лена, Алла, Мария, Марина Степановна, Юрий Всеволодович, Катя, Юля, Ольга Владимировна, Марина, Сергей, Марина с мужем, Светлана, Евгения Антоновна с подругами (все — Москва).

Большое спасибо, друзья.

Самарский шок отступает

«Ъ»

«Ъ»

«Ъ»

Специальный выпуск Российского фонда помощи «Самарский шок», опубликованный 24 февраля и посвященный жертвам чудовищного пожара в Самаре, вызвал живой отклик читателей «Коммерсанта». Подведены первые итоги этой акции. Более 1,3 млн рублей поступило к сегодняшнему дню на лицевые счета пострадавших милиционеров и членов их семей, специально открытые «Коммерсантом».

Как нам сообщили в отделении № 28 Самарского банка Сбербанка РФ, поступление денег на эти счета продолжается. Ежедневно прибывает до 150 переводов, в каждом — от 50 до 8 тыс. рублей. Деньги поступают главным образом (до 80%) на лицевые счета родственников погибших милиционеров. Выбор наших читателей понятен: в первое, самое тяжелое время после трагедии в финансовой поддержке нуждаются прежде всего осиротевшие семьи. Разумеется, Самара, область и МВД России не остались в стороне от трагедии этих людей. Как известно, сразу же после пожара каждой семье погибшего было выделено по 25 тыс. рублей, а пострадавшим милиционерам — по 15 тыс. рублей. По 5 тыс. рублей семьям погибших передал Мстислав Ростропович. Кроме того, по 5,5 тыс. им перечислили милиционеры Волгограда. На спецсчет, открытый Самарским областным УВД, за это время поступило около 40 млн рублей. Власти города и области объявили о выделении 20 новых квартир семьям погибших.

Что же касается раненых, то они еще как бы в тени. Вот и на «наши» лицевые счета им пока перечислено только около 200 тыс. рублей. Между тем врачи ожогового центра больницы им. Пирогова подчеркивают, что процесс выздоровления большинства раненых будет трудным и длительным. На больничных койках все еще находятся более 100 человек. Сегодня это лечение полностью оплачивается госорганами. Но затем предстоит дорогостоящая психологическая реабилитация и восстановление, возможно за границей. И потому многие опасаются за свой завтрашний день. «В милиции больные не нужны, я должен полностью вернуть здоровье, чтобы работать и содержать семью»,— сказал нам один из раненых, просившийся не называть его имени.

Он очень рассчитывает на «какой-нибудь черноморский санаторий», однако еще не знает, какой именно, а главное — во что ему это обойдется. В таком положении сейчас оказались многие из пострадавших. Большинство, естественно, очень хочет вернуться в строй. При этом, как и наш собеседник, считает, что выкручиваться придется самостоятельно.

«Я шел по третьему этажу, буквально разгребая дым руками, такой он был густой»,— вспоминает начальник экспертно-криминалистического управления областного УВД Вячеслав Леонов. Потом он выбил окно и с ужасом увидел, что на четвертом и пятом этажах люди буквально висят снаружи на подоконниках. «Я умолял сотрудников, особенно женщин, не прыгать, дожидаться пожарных лестниц. И мы действительно дождались!» Вячеслава доставили в клинику с тяжелейшими ожогами дыхательных путей и кистей рук. Неделю он был между жизнью и смертью — не мог дышать. Выжил. 19 марта Леонову сделали пересадку кожи, и сейчас он пошел на поправку. Здесь, в больнице, узнал о присвоении ему звания полковника милиции. Когда его выпишут, Леонов не знает. Воздерживаются от прогнозов и врачи. Они говорят лишь одно: чтобы полковник снова встал в строй, потребуется длительная и дорогая реабилитация. Насколько дорогая и хватит ли полковнику переданных ему государством и читателями «Коммерсанта» денег, к сожалению, пока не скажет никто.

Ясность появится позже. Возможно, уже через месяц. И тогда «Коммерсантъ» и Российский фонд помощи вновь вернутся к этой теме.

«Ъ»

АНДРЕЙ ФЕДОРОВ, Самара
ЛЕВ АМБИНДЕР,
Российский фонд помощи

ИЗ ПОЧТЫ ФОНДА

В 1995 году моя дочь родила двух девочек — Сашеньку и Настеньку. Все было хорошо. Дочь училась в институте, а я помогала растить девочек. Но в полтора годика у Настеньки выявили врожденный порок сердца. Два года мы лечили кроху у себя в области. Не помогло, и в ноябре 98-го прибыли на консультацию в Москву. Вывод Института им. Бакулева: необходимо срочное хирургическое вмешательство. Стоимость операции 46 336 рублей. Но таких денег у нас нет! Вчетвером семья дочери живет на небольшую зарплату мужа. Я тоже не помощница, работаю акушеркой со ставкой 311 рублей, которые, кстати, уже пять месяцев не получала. Детские пособия за прошлый год тоже еще не выдавали. Да они и не спасут Настеньку! В Ульяновске, в облздраве, нас взяли на очередь, но она не движется. Зять обратился лично к губернатору Юрию Горячеву. У того один ответ: вопрос решать в порядке очередности. Я его понимаю, но нам-то что делать?! Ведь наступит день, когда операция Настеньке уже не поможет.

Я узнала о вашем необычном фонде из газеты и, читая, плакала. Я уже думала, что у нас в стране гребут только к себе. Какое счастье, что глубоко ошибалась, что есть люди, способные понять и помочь. Может статься, что и нам повезет? С низким поклоном. **Пьянзина Валентина Николаевна, бабушка. Ульяновск.**

Пишет вам председатель женсовета колхоза «Авангард» от имени женщин нашей деревни. Вы, наверное, слышали про сельскую жизнь, знаете, какая там царит нужда. А ведь мы не лодыри. И в колхозе вкалываем, и на своих подворьях каждая семья откармливает по 1–2 свиньи да по бычку. Мясо продаем, но почти все деньги уходят на закупку топлива. Одежду и обувь купить уже не на что. Особенно страдают многодетные семьи и инвалиды. Дети бегут в школу налегке, а до нее 3 км. Доярки в мороз ходят в резиновых сапогах, нет денег на валенки. И вот от имени женщин я в обращаюсь к вам. Помогите собрать для нас поношенные вещи. Во многих городских семьях дети, внуки выросли, одежда вышла из моды, но жалко выкидывать добротные вещи. А нам нужна всякая одежда — детская и взрослая, обувь, шапки. Шлите на мое имя, а мы тут по-честному распределим. **Ермакова Раиса, Республика Марий Эл.**

Замглавы администрации Новоторъяльского района республики В. Бурков заверил нас, что Раиса Ермакова «глубоко честная, очень болеющая за людей женщина». Ее деревня со 196 жителями находится в таежной глухомани. Еще г-н Бурков сообщил, что в деревне десять многодетных семей. Правда, потом оговорился: «Это по марийской норме десять — когда в семье пятеро детей и больше. А если по российской — то и 25 семей выйдет».

Бумага, на которой пришло это письмо, выглядит непривычно. Предварительно лист тщательно сложили в мелкую «гармошку», затем расправили. Получились строчки-складки. Вот на них и написали.

Не удивляйтесь, пожалуйста, такой писанине. Я ослепла в 40 лет, живу в селе, азбуке слепых учиться было негде. Под диктовку писать — мыслей нет. А нужда такая. У меня никогда в жизни не было телефона. Хотелось, конечно, но прежде на сельской АТС номера были в дефиците. А тут новую станцию построили и летом предложили провести мне за 1200 рублей. Ничего, думаю, накоплю, пенсия-то большая, 392 рубля. А вскоре сами знаете что получилось. И пенсия стала маленькой. А цена установки выросла до 2000 рублей. Мне неудобно писать, никогда никому не жаловалась. Но телефон — такая подмога для слепого! А еще у меня есть дочь, учится за 400 км, в Саратове. Подолгу не видимся, душа болит. А так бы поговорили.

На этом заканчиваю. Остаюсь с надеждой. **Карнова Ольга Ивановна, Саратовская обл..**

Как сообщил нам зампредседателя областного комитета соцзащиты Михаил Черницов, Ольга Ивановна действительно инвалид 1-й группы по зрению, живет одна. Установка телефона, как льготнице, ей положена бесплатная. Но в местном бюджете денег на эти цели нет. Вместе с аппаратом и телефонным кабелем установка обойдется в 2500 рублей. Комитет соцзащиты проконтролирует подключение квартиры Карновой. Банковские реквизиты фирмы-подрядчика есть в фонде.

Моему сыну Саше, четырнадцати лет, срочно требуется операция в Новосибирске. Диагноз — сколиоз 4-й степени. Буквально за последние полгода вырос реберный горб, появилась хромота, деформирована грудная клетка. Все внутренние органы теперь зажаты и сдвинуты. Только что обнаружена язва двенадцатиперстной кишки — сопутствующее заболевание. А врачи вообще говорят об угрозе Сашиной жизни! Если сейчас не сделать операцию, то последствия необратимы. В Новосибирске нам дали всего полгода! Саша хорошо учится, вынашивает планы на будущее. Он еще не осознает, что у него может не быть этого будущего. Операция стоит $2998 плюс 13 280 рублей. Я работаю машинистом конвейера на Кузнецком меткомбинате за 500 рублей в месяц. Комбинат —банкрот, даже ссуду не дали. А время уходит! **Татьяна Суворова, Кемеровская обл..**

Заведующий отделением Новосибирского НИИ травматологии и ортопедии Михаил Михайловский: «Хорошо помню этого паренька. Случай тяжелый, очень плохая деформация. И болезнь быстро прогрессирует! Без операции эти больные долго не живут. Нужен французский имплантант, чтобы удержать позвоночник в вертикальном положении. Мы сделали 56 таких операций, я надеюсь на хороший результат. Саша выпрямится, горб пропадет».

Откликнитесь, пожалуйста! Три года назад я родила чудесного ребенка. Он подрастал на радость всем, опережая все сроки. И мы решили родить еще одного. Владюшке не было и полутора лет, когда появился Павлик. Только вскоре выяснилось, что Павлик тяжело болен. Малышу оформили инвалидность. С тех пор наша жизнь превратилась в ад. Бесконечные мытарства, поиски лекарств, больницы. Наконец в Российской детской клинической больнице (РДКБ) в Москве Павлику поставили диагноз: синдром Вильямса, органическое поражение ЦНС и много еще чего. Нам посоветовали попробовать лечение аминокислотами по методу профессора Хохлова. Я и теперь не знаю, как мы смогли найти 3000 рублей на первый курс лечения. И случилось чудо! Неподвижный, как бревнышко, ребенок быстро научился сидеть, стоять в кроватке, переступать ножками, правда, с поддержкой. И улыбаться. Он даже осознанно говорит: «Мама». Сейчас Павлику полтора года. После резкого скачка развитие малыша приостановилось. Надо продолжать лечение! Но у нас больше нет денег. **Ольга Усачева, Воронежская обл.**

По данным специалистов РДКБ, Павлуше Усачеву требуется как минимум еще четыре курса. Медцентр профессора Хохлова выставил счет на 18 700 рублей.

Добрый день вам от Ефимовой Валентины Алексеевны и всей моей семьи: мужа, Ефимова Геннадия Николаевича, и троих детей 16, 12 и 9 лет. Вчера поздно вечером мы услышали по радио России передачу о вашем фонде и решили тоже написать о трудной жизни. Мы живем в Красноярском крае, в маленьком поселке. Муж работает кочегаром-сторожем в отделе ветеринарии. За эту работу он должен получать 380 рублей, но денег не дают. Я по состоянию здоровья работать не могу, хоть и 35-летняя,— очень близорука (минус 8). На себя махнула рукой. Беда в другом — чем кормить детей? На бирже состою четыре года, но денег там тоже нет. И детские пособия не получаю.

Товарищи, уважаемые чужие люди, господа! У моей семьи есть огород, он кормит всем, что растет в нашем климате. Но у нас нет главного: мы не можем завести корову. Она мне давно снится. Она стоит так дорого, что легче умереть и не смотреть, как дети едят лишь картошку да огурцы. Целых 6000 рублей. **С уважением, Валя Ефимова, Красноярский край.**

Практика взаимозачетов докатилась наконец до красноярской глубинки, и у Ефимовых взамен зарплаты Геннадия появился комбикорм для скота и телевизор. А вот скотины в этой непьющей семье действительно нет, заявила сотрудница краевого управления соцзащиты Ирина Варыгина: «Трудно в селе большой семье прожить на одну зарплату и без коровы».

Для тех, кто впервые знакомится с деятельностью Российского фонда помощи

Российский фонд помощи создан осенью 1996 года. Он действует как посредник между людьми, которые оказались в беде, и людьми, готовыми им помочь. Фонд получает письма-просьбы и после тщательной проверки публикует их в газете «Коммерсантъ» и журнале «Домовой». Если вы решили поддержать авторов этих писем, то звоните в фонд, получаете их адреса, банковские реквизиты и дальше действуете самостоятельно.

Адрес фонда: 125252, Москва, а/я 50. Российский фонд помощи. Тел.: (095) 956-71-87, (095) 158-69-04. E-mail: rfp@kommersant.ru.

БОЛЬНАЯ ДЕВОЧКА 3 ЛЕТ

СРОЧНО НУЖДАЕТСЯ В ПЕРЕЛИВАНИИ КРОВИ

Кровь можно сдать по адресу: Каширское шоссе, д.24 (Всероссийский онкологический центр) с 8.00 до 10.00 утра для Шурыгиной Иры, бокс №20 (детское отделение). **Справки по тел.:** 324-62-37.